

Мальчуган двадцатых годов

МЕНЯ ПОЗНАКОМИЛ с ним чувашский писатель Николай Филиппович Ильбеков.

На борту теплохода, взявшего курс в Кувшинку, Ильбеков заметил приятеля, и мы подошли к нему. Познакомились. Алексей Алексеевич Гусев был чем-то взволнован. Задумчивый и сосредоточенный, с номером «Известий» в руках, он старался отвлечься от терзающих его мыслей.

Со страниц газеты смотрел мальчик лет 8—10, в шапке, надвинутой на лоб, рваном ватнике, в больших рукавицах. Он прижимал к груди кусок хлеба и смотрел в сторону, как бы боясь, что кто-то может вырвать у него этот кусок.

...В тот год голод захлестнул и Орехово-Зуево, куда вернулась семья Гусевых из Ленинградской области. Хотя родители Лешки работали не зная отдыха, им трудно было прокормить большую семью. Шутка ли: девять желторотых птенцов! И семилетний Лешка решил податься на заработки. В этом возрасте он вполне сносно играл на балалайке, да и пел славно. Вот и пропадал в Москве. То спляшет, то с мальчишеским задором сыграет на балалайке и споет, то поднесет кому-нибудь чмодан (ух! какие они были тяжелые!). На Сухаревке и на других толкучках он чувствовал себя, как рыба в воде. Насмотрелся всего. Осо-

бенно запомнились ему самодовольные господа, которые бросали хлеб беспризорным оборванцам, точно щенкам, и, многозначительно улыбаясь, любовались тем, как голодные мальчишки, отталкивая друг друга, набрасывались на их подачки.

Однажды — это было на Смоленской площади — собралось много иностранцев с аппаратами-ящиками на треножнике. Они снимали беспризорных, нищих, торговков. Лешке в тот день здорово повезло. Какой-то «добрый» дядя подсунил ему солидный кусок хлеба. Прижав хлеб к груди, он смотрел, как возились дяди у своих аппаратов. Откуда было знать Лешке, что в это время господин Эрколл, кинооператор французской кинокомпании «Патэ», заснял его крупным планом! Приоткрытый рот и два зуба-резца, чуть выдающиеся вперед. Эта характерная примета, наряду с другими, сохранилась и на других фотографиях Лешки. Эти два зуба уцелели даже тогда, когда на фронте пистолетная пуля раздробила Алексею Гусеву челюсть и выбила кучу зубов...

Во второй половине двадцатых годов любознательный Лешка, зараженный духом странствий и романтики, вдоволь был насыпан о русских и норвежских путешественниках, которые пытались покорить Северный полюс. Не давали покоя и имена профессора Самойловича и летчика Чухновского. Лешка решил организовать свою «экспедицию». Позвал друзей по двору и предложил им втайне от родителей насушить сухарей. И однажды ночью юные путешественники отправились в далекий поход. Но половина членов экспедиции была задержана милицией еще до Москвы. Лешка с двумя товарищами все же добрался до столицы, он был опытным «зайцем». Но от Москвы до Северного полюса было еще все-таки далеко! Тем более, у Лешки и его друзей кончились провлянты. К тому же, тогда в Москве задерживали беспризорных и отправляли в детские дома. Лешке пришлось вернуться домой.

Соседские мальчишки, восхищенные «профессором Самойловичем» (так прозвали Лешку во дворе), были уверены, что скоро отправится в путь новая лешкина экспедиция. Они, конечно, не знали, что «профессор» задумал другое дело. Слушая музыкальные радиопередачи из Москвы, Лешка часто задумывался: «А что, если и нам свой оркестр создать?» Сказано — сделано. Столько было мальчишек, желающих играть в оркестре, — хоть конкурс

объяви! Вскоре в бывших морозовских бараках, где жили семьи рабочих, лешкин оркестр стал выступать с концертами. Обрадовались родители: хоть делом занялись «непутевые».

Уже через год для Лешки в Орехово-Зуево не хватало простора, да и масштабы были не те. «Люди, вон, в Москве выступают, а мы?» — и махнул в столицу. В редакции «Пионерской правды» лешкину затею приняли всерьез. Пригласили струнный оркестр в Москву. Прислушали. Удивились. А в один из апрельских дней 1928 года концерт орехово-зуевского струнного оркестра прозвучал по радио. Лешка и его друзья чувствовали себя героями, когда на страницах «Пионерской правды» (№ 34 за 1928 г.) прочитали отчет о концерте и узнали себя на фото, помещенном тут же.

И вообще этот год для Лешки и его друзей-музыкантов был особенный. 28 мая в Москву из Сорренто приехал Максим Горький, а через недели две перед ним выступил их оркестр. Утренник в честь великого писателя состоялся в театре «Коллизей». Чего только не было на этом утреннике! Лешке казалось, что он попал в страну сказок. Ведь перед ним — сам Горький, то улыбающийся, то хмуриющийся брови. Лешке стало до слез жаль Алексея Максимовича, когда зачитали постановление, чтобы он бросил курить, и он ответил: «Внучка, отмените свое постановление! Сорок лет курил и вдруг бросить. Мне осталось уж недолго курить. Я, конечно, знаю тот вред, который приносит табак». И вот под гром аплодисментов объявили, что Горький принял почетным пионером. Алексею Максимовичу повязали алый пионерский галстук. Он смущенно улыбался. Потом состоялся концерт. Выступали и орехово-зуевцы. Лешка и его друзья на сцене держались как заправские музыканты. Они были в ударе. Алексей Максимович внимательно слушал юных музыкантов и протирал глаза, словно в них попал песок. Во время антракта он подошел к орехово-зуевцам и спросил у Лешки:

— Ноты вы знаете?

— Нет, — бойко отвечал Лешка, — мы на слух играем.

Алексей Максимович подозвал к себе Георгия Александровича Поляновского (он музыковед, проживает в Москве) и сказал:

— Нельзя ли помочь им? Ведь талантливые ребята! Музыкальной грамоте надо бы их учить.

— Хорошо, Алексей Максимович, поможем...

Речь Горького запомнилась Лешке на всю жизнь и заставила его подумать: «Как же быть дальше? Какой избрать путь?»

— За время моей жизни, — говорил Алексей Максимович, — бесчисленное количество талантливых ребят не выживало, идти было некуда... Смотрю на вас и радуюсь. Вижу, как вы говорите, как много понимаете. Это удивительное явление. Этого нигде в мире нет. Я попал в новый мир. До какой степени все это стройно и хорошо...

Заключительные слова писателя прозвучали наказом:

— Я твердо уверен, что в будущем вы будете еще лучше, вы будете настоящими строителями новой жизни, новой истории.

Через неделю после памятной встречи с М. Горьким Лешка получил от Г. Поляновского посылку. В ней были ноты, самоучители. Ребята с азартом взялись за овладение музыкальной грамотой.

Но надо было подумать и о будущем. Через год Лешка поступил на фабрично-заводское учение и собирался стать потомственным рабочим. Но обстоятельства быстро изменились. В 1929 г. в Орехово-Зуево прибыла труппа из Москвы. Стали работать драмтеатр. Он начал готовить «Ярость» — драму Ю. Яновского. Но не было в труппе кандидата на роль Андрейки. И тут предложили попробовать Лешку. Много работал с ним режиссер, помогал ему и артист П. Павленко, исполнитель роли отца Андрейки... И вот первый спектакль. Лешка-Андрейка лежит на печке. Его будит мать. Подходит реплика Андрейки. Напряжение по ходу действия нарастает. А Лешка дрожит, зуб на зуб не попадает. Все прошло, как во сне. Лешка лишь тогда опомнился, когда в зале раздались громовые аплодисменты.

Таков был дебют будущего артиста. Но Лешку все же заметили и на следующий год послали учиться в театральную студию.

В начале тридцатых годов Алексея Гусева приняли в Брянский драмтеатр. Началась настоящая сценическая деятельность талантливого артиста. Несколько раз она прерывалась. Два года А. Гусев прослужил на Дальнем Востоке в погранвойсках, а в 1939 году, как только переехал в Чебоксары и начал работать в Русском драмтеатре, он отправился на войну с белофиннами. Через год вернулся в

театр, но вскоре вновь началась война.

В 1942 г. А. Гусев — политрук роты стрелкового полка на Воронежском фронте. Как кошмар, вспоминаются ему события 25 января 1943 г. Тогда штурмовали Воронеж. Города не было — остались развалины. Стоял крошечный ад. Атака за атакой. После третьей атаки в роте осталось три десятка бойцов — четверть состава. Но рота снова бросилась вперед. Завязалась рукопашная. Политрук Гусев в горячке боя и не заметил, как немецкий офицер сбоку выстрелил ему в висок. Ему чудилось, что челюсть разнесло на куски и оторвало голову. Падая, он видел, как рядом рухнул гитлеровец. Захлебываясь кровью, Гусев выплюнул зубы. Услышав вой мины, он машинально закрыл голову прикладом «ППШ». Невдалеке раздался взрыв, и правая рука отвисла как плоть: перебило кости. Гусев потерял сознание. Очнулся, когда санитар положил его на волокушу и потащил назад. Вдруг рядом ударил снаряд. Гусев почувствовал, как тряхнуло ногу — осколок попал в стою, — и как теплая липкая жидкость потекла в валенок...

Прошло долгое время в госпитале. В конце лета 1943 года А. Гусев выздоровел и, демобилизованный по состоянию здоровья, вернулся в Чебоксары. С тех пор он беспрерывно работает в Русском драматическом театре Чувашской АССР. В память о прошлой войне у него хранится медаль «За отвагу» (есть и другие), остался небольшой шрам, словно воронка, на правой щеке. А в душе осталась страшная ненависть к фашизму.

Мы не будем рассказывать о сценической деятельности, вечных поисках и творческих находках Алексея Алексеевича Гусева, заслуженного артиста Чувашской АССР. Отметим лишь, что за 34 года артистической деятельности им сыграно свыше трехсот ролей.

Такова судьба мальчишки двадцатых годов, который оказался на пленке французского кинооператора. Поиски в Москве, знакомство с архивными документами подтвердили, что это действительно Гусев. Судьба его характерна для многих его сверстников. Все они росли, крепили и мужали вместе с нашей страной, которая когда-то вызывала у господ-иностранцев иронию своей нищетой и отсталостью, а ныне изумляет и восхищает человечество своим прогрессом, культурой, мощью.

Георгий МИКУШКИН.